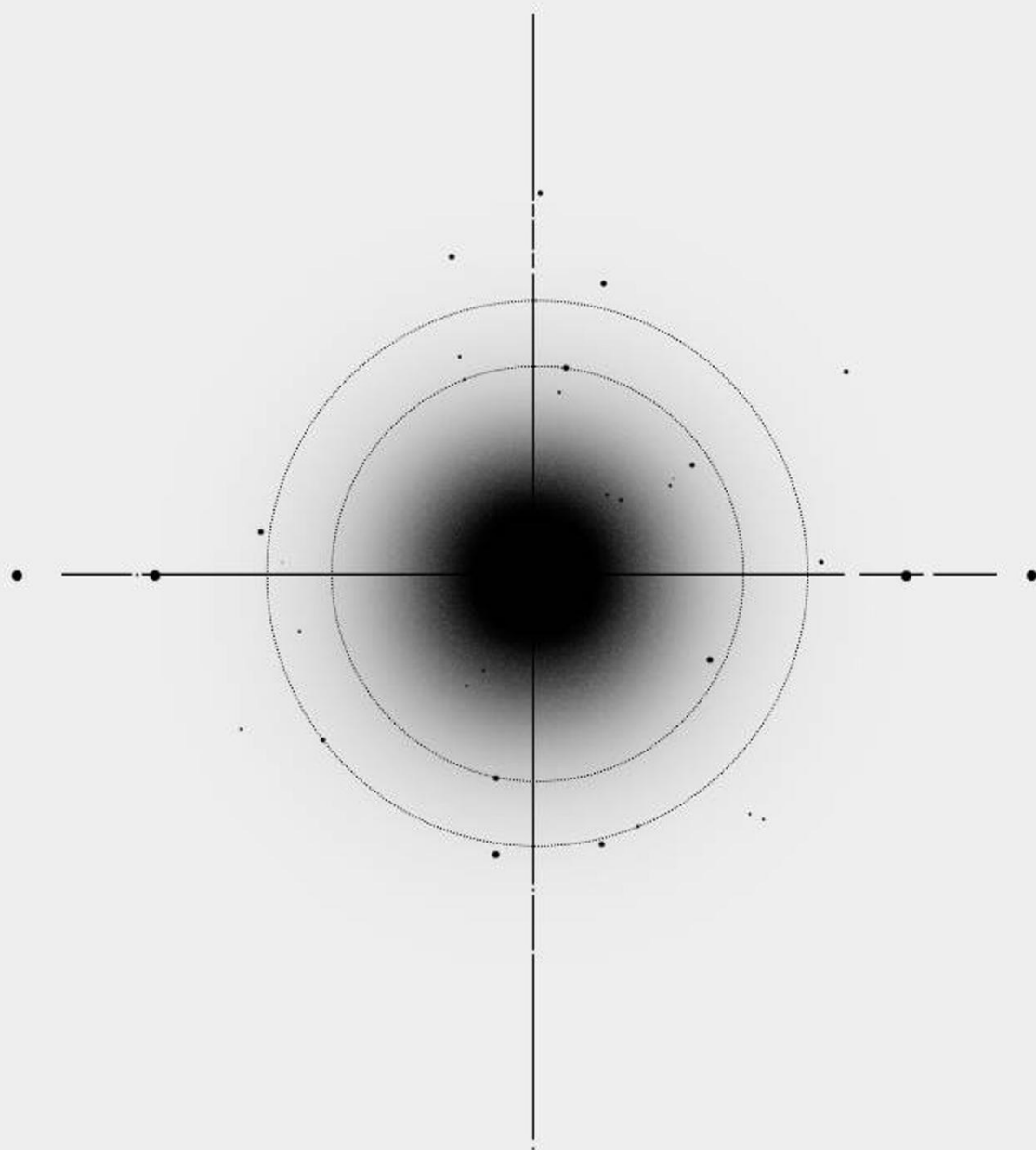

ГЕН 0

КРИСТИНА КУТУЗОВА

МИР НЕ ПОГИБАЕТ.
ОН ОБНУЛЯЕТСЯ.

Кристина Кутузова

Ген 0

«Автор»

2026

Кутузова К.

Ген 0 / К. Кутузова — «Автор», 2026

Говорят, что Марево — это конец всего. Но конец — понятие растяжимое. Валерия Сереброва — живое доказательство теории своего отца. Двадцать два года назад он переписал её геном, чтобы спасти от смерти. Теперь её кровь — единственный ключ к спасению мира, который пожирает аномалия, расщепляющая материю на атомы. Но Сереброва не лекарство. Она носитель. Ради своего эксперимента она готова на всё: рискнуть чужой жизнью, отдать свою кровь, переступить через себя. В мире, который раньше был огромным, а теперь сжался до размеров бетонного кольца, нет места для человечности. В нём правят только приказы, протоколы и те, кто их исполняет. Генерал Громов — идеальный солдат. Он не чувствует боли, не знает страха и двадцать лет защищает Стены, за которыми человечество пытается забыть, что такое быть человеком. Он привык быть функцией, инструментом, оружием. Но когда Валерия предлагает ему рискнуть всем, он соглашается. Не потому, что верит в науку. А потому, что другого выбора нет.

© Кутузова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Точка А	6
Глава 2. Око	10
Глава 3. Вектор	15
Глава 4. Горн	22
Гл	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ген 0

Пролог

08.08.2051, 01:24 по Медиане

Исследовательская база «Кузня», седьмой сектор Норд-Веста.

Отчет о происшествии.

Была замечена мощная вспышка света в зоне геологических работ. Сопровождалась сейсмической активностью, громким хлопком с последующим низкочастотным гулом. Сигнала бедствия от рабочих не поступало, в связи помех нет.

По предварительным данным: выброс большого объема энергии неопознанного источника, признаков радиации не выявлено. Угроза маловероятна.

На место происшествия выслан отряд быстрого реагирования, по прогнозам доберется в течении четырех часов. Отправлен запрос в Центр для утверждения плана дальнейшего действия. Запущен ПАД (передовой аналитический дрон), направленный на сбор химических данных в области вспышки.

Конец отчета.

Главный аналитик [данные повреждены]

08.08.2051, 03:09 по Медиане

Зона геологических работ, восьмой сектор Норд-Веста.

Отчет об операции.

Отряд достиг области происшествия. На месте [данные повреждены] никого. Котлован около восьми метров в глубину наполнен [данные повреждены] жидкостью.

Черт, я не могу! Зловонная мерзкая жижа. Оборудование отсутствует. Разреженный воздух, дышать нечем, холод.

О, нет... тут [данные повреждены] срочно! Запрашиваем поддержку с воздуха, [данные повреждены] живое!

Отряд, отступаем! Держать строй.

Связь прервана.

Глава 1. Точка А

13.10.2051

Медиана, Центральный округ.

«С каждым днем Марево все быстрее приближается к Медиане. Власти молчат, словно так смогут нас защитить. Ученые разводят руками. Очевидно: нас никто не собирается спасать. Всю страну расщепят как и сотни километров прежде. А что останется?»

Продолжительная война закончилась восемнадцать лет назад. Три главенствующие страны, не стовариваясь, решили, что развитие технологий полезнее, чем развитие ядерного вооружения. На местах, выжженных огнем сражений, возникали заводы, исследовательские центры, институты и масса новейших технологий. Тогда же родилась Медиана, - государство радикально нового строя, - объединение сошедшихся в общих интересах групп. Интересом этим была крайней степени обособленность и повышенная безопасность. Так появился строй-комплекс «Циклоп», ставший победой Медианы не просто в войне, а в бесконечной борьбе за мир и процветание.

«Циклоп», огромная система машин, больше напоминающих гигантских гусениц, из жерл которых возникала серая пена, - особое ультра-прочное нано-волокно. Что-то вроде огромного пространственного принтера, который механизмом сновал по периметру огромного мегаполиса, и за считанные дни отстраивал двадцатипятиметровые стены толщиной с целое здание.

Внутри этих стен возникли районы, в последствии названные округами. Разрозненная власть сильнейших мира сего переформировалась в централизованную. Чтобы, в конечном итоге, превратиться в главный оплот безопасности и развития на всей планете. Теперь, прямо в центральной точке огромного бетонного кольца, угрожающе возвышался комплекс «Федерал» - главное здание правительства и высших чинов. А за кольцом - угроза, которой никто не мог предвидеть. И вся защита рушилась, как карточный домик.

Из-за дубовой двери «Федерала» показался внушительного вида мужчина. Ступив в лучи полуденного солнца, он тут же натянул на лицо маску, чем-то напоминающую респираторную, только из черного металла, и шагнул к ступеням. Взгляд зацепился за одинокую фигуру девушки, потерянно застывшую в самом низу лестницы. Здание действительно внушало что-то вроде благоговения у простых смертных: белоснежный камень витиеватой формы в три высоты главной Стены, - единственное что было видно за периметром, как символ. Даже в народе здание прозвали «ДНК», - довольно метафорично, - оно было геномом страны, главной структурой. Мужчина и сам невольно обернулся на глыбу, а когда вернул взгляд, девушка уже стремительно поднималась ко входу. Накинув капюшон, он двинулся к ожидавшему его джипу, почему-то гадая, что такой мышке делать в правительственной палате.

— Добрый день! Чем могу помочь?

Огромное пространство, практически пустое, не считая стойки регистрации гостей, десятка турникетов и ещё больше — охранников в полном вооружении, встретило девушку холодом. Не физическим, больше как воздействие на психику жалких существ, которым здесь делать нечего. Но ей *было* что здесь делать.

Она медленно поплелась к стойке, озираясь по сторонам, ища хоть одну отговорку. И отговорка возникла: делегация из дюжины разношерстных, громких и хаотично петляющих гостей, — можно сойти за свою. Резко сменив траекторию, девушка прижилась в конец строя протискивающихся как овечки в загон через турникет. К счастью, никаких пропусков никто не прикладывал, и она с потоком забилась в просторный лифт. Чей-то пухлый палец ткнул

на кнопку тринадцатого этажа, — ей было нужно на двадцатый. Поэтому она скользнула к дальней стене и притаилась, надеясь на скорое уединение.

Пространство давило. Или это были нервы: сжав рукава водолазки, она пыталась скрыть дрожь в пальцах. Как быстро казнят за благую цель? Есть ли вообще шанс выбраться из этой ситуации? Если ничего не выйдет, если её поймают слишком рано?

В прочем, разницы не было. Как не было и четкого плана. Просто дойти, сказать, доказать. Не оказаться пристреленной до этого момента. Вполне достаточно для какого-никакого плана. Остальное решится как-то само, если во всем этом есть смысл, высшая цель.

Панель громко пищала на каждом этаже, будто отсчитывая мгновения до рокового конца. На десятый «дзынь» кровь зашумела в ушах, на одиннадцатый — сдали легкие, — дышать стало практически невозможно, только судорожно втягивать ноздрями крупницы спертого воздуха. На двенадцатый в глазах заплясали точки, — паническое предобморочное состояние.

Наконец, тринадцатый этаж. С веселенькой мелодией раздвинулись двери, вся толпа волной выплонулась в коридор. Едва девушка вдохнула полной грудью и нажала на кнопку нужного ей этажа, перед самым закрытием в лифт заскочил человек. Не просто человек: большой мужчина в форме охраны, с ружьем наперевес. Он едва глянул на неё, на панель этажей, и отвернулся. Легче не стало.

Он выйдет с ней. И что делать дальше? Идти за ним глупая идея. Уверено рвануть к нужному кабинету — еще более глупая. К таким людям не заходят просто так. Тем более, такие люди, как она. Да у неё на лице написано, что здесь она может быть максимум уборщицей. Вот оно!

Взгляд зацепился за пылинку на широкой спине. Прикрыв глаза, она сунула руку в карман — капсула заметно нагрелась. Пальцы нащупали влажный металл. Времени мало. Все шло хорошо. Слишком хорошо для сверх-охраняемого объекта. Она ходила по краю и, почему-то, даже ни разу не поскользнулась. Тревога шептала: «ещё секунда и оступишься». И она ждала этого. В какой момент все пойдет под откос?

Наконец, лифт с характерным звуком распахнулся, и девушка открыла глаза. Мужчина уже отступил вбок, пропуская её вперед, и она, слегка кивнув, вышла в коридор. Свет включен не был, — лучи солнца заливали помещение через высокие узкие окна. Хотя должна была спешить, она невольно замедлилась, вглядываясь вдаль: это был первый раз, когда она видела, что находится за Стеной. Не сказать, что там было что-то по истине интересное: бескрайняя ярко-желтая пустыня с обломками железа и глубокими выбоинами, ведущими далеко за сероватые холмы. Но это был простор. То, что в Медиане недоступно никому, даже высшему свету. Бесконечные километры пустоты, такой манящей, такой желанной. Вот бы хоть на минуту оказаться там...

— Девушка, вам чем-то помочь?

Она невольно вздрогнула и обернулась: охранник из лифта стоял прямо за ней.

— Эм, да, - она огляделась, — не подскажете, где уборная?

— А вы здесь с какой целью?

— Мне бы сначала в туалет. Понимаете... - кашлянув, будто от смущения, она молилась, чтобы ему не было дела до естественных нужд женщины.

— Понимаю, - он снова отступил в сторону, открыв вид на дверь с очень уж приметным значком туалета.

И она, не задумываясь, рванула туда. Возможно, слишком резко, но несколько минут у неё точно есть. Включила воду на всю, глянула в зеркало, — светло-серые, слишком широко распахнутые глаза на бледном, почти без кровинки лице. Иссиня черные волосы, собранные в небрежный пучок, выбились и вились у висков от влажности и страха. Она попыталась пригладить их ладонью, но только сильнее растрепала. Вид был говорящий: потерянная овечка,

загнанная в угол. Не удивительно, что бдительный охранник засомневался в ней. И, судя по кромешной тишине за дверью, он никуда не ушел, ждал её. Обратный путь точно отрезан.

Она огляделась по сторонам, вновь проверив температуру в кармане — обожгло пальцы. У неё не больше пяти минут. Сбоку от кабинок оказалась ещё одна дверь, чудом не закрытая. Что-то вроде кладовой, с ведрами, швабрами и отвратительным запахом тухлой воды. Но, что самое важное, с очередной дверью, по логике ведущей обратно в коридор, но в нескольких метрах от входа в туалет.

Слишком рискованно, но оттуда послышалось: «пришлите пару человек на двадцатый, подозреваю незаконное проникновение на объект». Других вариантов больше не было. Если здесь окажется толпа вооруженных мужчин, ей точно будет некуда отступать.

Очень медленно и осторожно она опустила ручку и, приоткрыв дверь, выглянула в щелку. Мужчина так и стоял у туалета, но, к счастью, смотрел в противоположную сторону, — видимо, ждал подкрепление, — будто не мог сам справиться с хрупкой девчонкой.

Снова выскользнув в коридор, она вдоль стенки двинулась к кабинету номер 210. У здания было интересное строение: по правую руку шла бесконечная круговая стена с окнами, по левую - двери из темного дуба. Скорее всего, кабинеты выглядели как куски торта со скошенными углами. А, может, в центре этой композиции располагался общая переговорная, чтобы углы эти не были слишком острыми. Но ей вряд ли было суждено это узнать, а в сеть не сливают такую информацию.

Когда пол-кольца было преодолено, и охранник должен был остаться далеко позади, у самой двери с табличкой «210 Глава Совета», она услышала громкий крик:

— Оставайтесь на месте! Руки за голову!

Как по сигналу, а по сути это он и был, она влетела в кабинет и, тут же захлопнув дверь, принялась тянуть рядом стоящее кресло как баррикаду.

— Прошу прощения?

Прижав спинку кресла к низу ручки, девушка развернулась.

За широким столом сидел мужчина с бумагами в руках, и недоуменно смотрел на неё. Испуга или сильного удивления в его глазах не было, скорее, некоторое негодование от наглости. Оно и понятно, — он, хоть и седой, но в физической форме ничем не уступал тому же охраннику, который безуспешно долбил в дверь за её спиной.

— Мареву... это не яд, не инопланетное существо, не оружие, - она задыхалась, от паники в перемешку с усталостью после перетягивания тяжелого кресла, все отрететированные слова встали комом в горле, — это распад реальности. Надо не танки строить, а менять саму жизнь! Мой отец...

Мужчина медленно поднял руку, затыкая её. В эту же секунду за спиной раздался громкий треск дерева, и в кабинет ввалилось пять человек с оружием.

— Александр Игоревич, мы... нам забрать её?

— Уведите.

— Нет! - она отскочила.

Оставался последний козырь в рукаве, - буквально. Из-под водолазки она достала небольшой металлический цилиндр, горячий, пульсирующий, и это явно сработало: Александр Игоревич сжал кулак, останавливая своих цепных псов.

— Какого черта вы делаете?

Капсула дрожала в руке. Сорвав зубами предохранительную чеку, она нажала на крышку — та отъехала в сторону, открывая чёрную каплю, парящую в морозном облаке. Холод резанул по ладони.

— Знаете, что будет, когда эта штука нагреется до конца? - спросила она, — ловушка отключится, образец коснётся стенок, и капсула перестанет существовать. Потом пол под ней. Потом мы все. У вас есть минута.

Она макнула палец в пар, коснулась капли и медленно подняла. Кожа зашипела, пошла рябью...и застыла. Валерия вытерла руку о водолазку.

— Оно убивает всё. Но не меня. Теперь дадите мне минуту на объяснение? Или можете рискнуть и узнать, что будет, когда оно совсем растает и растворит сначала колбу, а потом и пол вашего кабинета. Как считаете, у вас будет хотя бы минута?

В комнате повисла мертвая тишина. Охранники явно замешкались, глядя на своего начальника, но пошевелиться не рискнули. Александр Игоревич, глядя на её руку, опустил свою к ящику стола и достал небольшой чёрный кейс.

— Одна минута. Уберите это и начинайте, - тихо произнёс он, открыв крышку. Внутри клубился холод.

Девушка аккуратно запечатала цилиндр и утопила его в белом пару. Кейс мигнул зелёным. Она спрятала заледеневшую руку под рукав и начала говорить:

— Мой отец, Константин Серебров, разрабатывал концепцию нулевого гена. Марево — это ноль. Абсолютное отсутствие материи, конечная точка распада. Человек, как и прочие живые и неживые материи — положительное число: один, два, три и так далее. Любое такое число при умножении на ноль дает ноль. Поэтому Марево просто всё разрушает. То, чего оно коснется, перестает существовать. Нулевой ген — единственное, что может быть устойчиво к расщеплению. И я знаю, как выработать его в человеке. Но мне нужна лаборатория и государственная поддержка.

— Вы понимаете, что это звучит как бред сумасшедшего? Особенно после того, как вы сюда вломились и угрожали.

— Вы видели, как Марево действует на меня. Во мне — каркас нулевого гена. Хоть кто-то из ваших ученых добился подобного?

— Подскажите, как вас зовут?

— Валерия Сереброва.

— Я подумаю о вашем предложении. Защитная экипировка и арестовать её. Поместить в карантин до выяснения обстоятельств.

Глава 2. Око

14.10.2051

Медиана, Левобережный округ.

«Северный полюс пал под непреодолимой силой. Мы никогда не узнаем, что случилось с тем местом, откуда все началось. Но велики шансы увидеть, как все закончится. Нас никто не спасет»

Принцип работы карантинной зоны был до банального прост. Сначала с конвоем вывозят на окраину Медианы, в закрытый комплекс из четырех корпусов: охраняемая территория, всюду военные и люди в защитной форме. Путь для «потенциально опасных субъектов» лежит в самый дальний блок, — названия ему никто не давал. Затем следует унизительный душ, где обнаженное тело заливают холодной водой и коктейлем из химикатов. Изымают документы, технику, а все прочие вещи бесцеремонно сжигают. Финальная точка: стеклянный бокс-аквариум пять на пять метров с койкой, прикрытым ширмой туалетом и, впрочем, все. К боксу приставляется молчаливый солдат, и время от времени проверяет врач, — если так можно назвать визуальный осмотр через стекло.

Валерия провела здесь последние сутки в абсолютной тишине. Вентиляции в боксе тоже не было, поэтому дышала она спертым воздухом, циркулирующим туда-сюда от её легких до стеклянных стенок. К двадцатому часу углекислого газа стало так много, что начинала кружиться голова, но спать почему-то не получалось.

— Эй! - заметив белый халат, крикнула она. Встать сил не хватило, поэтому она осталась сидеть на полу около койки.

Следящий за ней дежурный доктор шагнул ближе:

— В чем дело?

— Сколько я ещё буду здесь сидеть? Чего мы ждём?

— Распоряжений пока не поступало, — их и ждём. Как вы себя чувствуете?

— Вы ждете моего полнейшего истощения, чтобы я легко поддавалась допросу? Передайте им там, что я и так всё расскажу. Я с самого начала была готова к сотрудничеству.

— Простите, распоряжений не было.

— Кто вы? Какая у вас должность?

— Дежурный врач-инспектор по карантинному контролю.

— Просто смотришь на меня и уходишь? Это прописано в обязанностях или это халатность и нежелание заниматься своей работой?

— Моя должностная обязанность — фиксировать статус объекта.

— Какой сейчас у меня статус?

— Стабильный.

— А что вы будете делать, если я начну буяннить?

— Простите, распоряжений не было.

— Ой, пошел бы ты, - фыркнула она и уткнулась лбом в поджатые к груди колени.

Выданная одежда кололась и вызывала зуд. По ощущениям, кормить её никто не собирався: у кровати стоял лишь один кувшин с питьевой водой. Зверские условия для человека, который предложил единственную надежду для спасения всего мира. Этого следовало ожидать.

Система была отчужденной, ей не было дела до всего, что находится вне норм. Все, что вне норм, должно быть искорено, выжжено, стерто с лица земли. Система работала ничем не хуже Марева. Только для Марева «ненорма» — это само существование, а для системы — попытка любой борьбы с существом.

16.10.2051

Медиана, Левобережный округ.

Два дня прошли, как в тумане, слипшись в одни долгие сутки, — границы времени давно размылись. Может, она провела здесь всего час, а, может, и целый месяц. Состояние ухудшалось в геометрической прогрессии, — её будто наказывали не за проникновение на охраняемый объект, а за угрозу решить все проблемы самой.

Она предлагала таблетку от всех болезней, но эту таблетку приняли как оружие массового поражения. Это отрицание или страх лишиться всех парадигм, которые разрабатывались сотнями лет? Власти боялись, что не они самые умные и мудрые. Что есть то, о чем они понятия не имеют. А всего неизведанного принято бояться.

А они явно боялись: спустя трое суток что-то, наконец, произошло. Перед стеклом появилась делегация из пяти человек. Сначала она даже решила, что ей чудятся эти людишки с напыщенным видом, будто нашли какой-то мерзкий микроб.

— Валерия, меня зовут Герхард Гаммер. Я главный научный координатор. Со мной здесь начальник карантинного протокола, два медицинских сотрудника и один член Совета. Вы готовы к аудиту касательно ваших решений по исследованиям?

Гаммер выглядел сомнительно — иссушенный старикашка, долговязый, с сутулой спиной и мерзким горделивым взглядом. Будто всё здесь подчиняется ему одному.

— Готова.

— Отлично. Вас проводят в переговорную и выдадут стабилизаторы. Прошу их выпить ради вашего же блага.

Делегация скрылась за металлической дверью, а через пару минут на их месте появился человек в белом противочумном костюме. Безликое шуршащее существо, шумно дышащее через респиратор, открыл бокс и помог Валерии подняться на ноги. Она жадно вдохнула свежий воздух и, оперевшись о подставленную руку в холодном липком латексе, поплелась вдоль коридора к так называемой «переговорной».

Убранство она почти не рассматривала: заметила лишь новую коробку, в этот раз обитую металлом, и широкий стеклянный экран, разрезающий стол на две половины. Между этими половинами была сплошная стена с микрофоном и динамиком. С той стороны стекла уже сидели все ранее представленные люди, будто действительно готовились к переговорам, а не допросу с пристрастием.

Прямо напротив неё, на таком же железном скрипучем стуле, сидел Гаммер со стопкой документов и глядел точно ей в глаза своими маленькими черными глазками.

— Могу я задать вопрос? По какой причине меня держат в карантине, не проведя никаких анализов на предмет моей заразности?

— Мы обсудим это, когда придем к некому консенсусу касательно нашего вопроса.

— Так спрашивайте.

— Повторите, пожалуйста, под запись вашу теорию, с которой вы пришли к Главе Совета.

— Угроза Марева не в том, - начала она, но её тут же перебили:

— Вы можете называть это «ПЭС».

— Что значит ПЭС?

— Процесс «энтропийный скачок». Если вы вразумили себя ученым, давайте будем оперировать научными терминами.

— Энтропия — это мера хаоса, - она нервно усмехнулась, откинувшись к спинке стула, — вы ни черта не понимаете в самой сути этого процесса. Он не сеет хаос, он упорядочивает тот хаос, который породила вселенная. Я предпочту вернуться к народному названию, — простые смертные лучше справились с неймингом.

— Прошу, возвращайтесь к своей теории, - Гаммер начинал выходить из себя, — его нестабильность была на руку.

— Угроза Марева не в том, что она физически съедает предметы. Она стирает фундаментальные связи, на которых держится наша реальность, — буквально расщепляет на атомном уровне. Приводит всё существующее к нулю. Обычная материя в зоне Марева распадается, потому что она буквально отключает законы физики, за счет которых мы существуем. Мой отец разработал теорию нулевого гена — встроенный в ДНК якорь, стабильная самообновляющаяся структура. То, чего Мареву не видит и не может расщепить.

— Я был знаком с теориями вашего отца. Это лженаука, не имеющая никакой доказательной базы.

— Я — доказательная база.

— Ваша демонстрация — неизученный феномен кожного иммунитета.

— Как вас там? Герхард? Вы узколобый, раз не видите очевидного. Вы копаетесь вокруг единственной теории энтропии и не можете взглянуть на саму суть.

Валерия ещё раз оглядела комиссию: четыре болванчика для количества или устрашения, которым явно даже нечего сказать. Единственный её оппонент — сторонник стабильности и конформист. Доказывать ему что-то бессмысленно, но других вариантов у неё нет.

— Вы готовы предоставить все записи вашего отца? Формулы, лабораторные журналы, адрес лаборатории?

— Вам в любом случае нужна я и моя кровь. Во мне — база гена цельнее формул и записей. Детищем своего отца я поделюсь, только если буду иметь непосредственный доступ к исследованиям.

— К вашему несчастью, условия здесь ставим мы. И наше условие таково: вы добровольно передаете нам все данные и образцы вашего ДНК для изучения государственными институтами. Сами же вы помещаетесь под домашний арест с полной изоляцией. Отказ будет трактован как саботаж и сокрытие информации в условиях военного положения. Как вы понимаете, со всеми вытекающими последствиями.

— Вы слепые идиоты! - резко вскочив с места, она ударила ладонями по столу.

Пожалуй, в её состоянии это было опрометчивым решением. В глазах потемнело — удержаться на ногах оказалось слишком тяжело.

Она едва расслышала грохот стула и скрипучий зловещий голос из динамика: «у вас есть сутки, чтобы принять правильное решение». Дальше лишь темнота.

17.10.2051

Медиана, Левобережный округ.

Ей часто снился один и тот же сон. Ярко-зеленое поле с сероватыми цветами и огромная кривая голова истукана. Сероватые цветы, как гной, сочились из глубоких трещин на каменном лице. И он твердил тихо, с трудом разлепляя каменные губы, на выдуманном языке, который она понимала как родной: «ты будешь жить во имя жизни других». А потом все темнело, но сон не заканчивался. Начинаясь бесконечная тьма, в котором эхом разносились её собственные шаги. Она шла, черт знает куда, черт знает зачем. Просто вперед, в еще большую тьму. А тьма эта заканчивалась бездной, в которую маленькое тело проваливалось и летело со свистом, на огромной скорости. И лишь затем она просыпалась, где-то за мгновение до касания с землей.

Отец рассказывал, что она родилась уже умирающей. Пророчили где-то месяца два. Но она почему-то жила дольше, — два, пять, десять месяцев, год. Теория Сереброва существовала только во имя её собственной жизни. Она сама была подопытным кроликом, терять все равно было нечего.

Сначала от инъекций были адские боли, и она орала сутками. А потом, как по волшебству, боль прекратилась. С каждым уколом сил становилось всё больше. И к двум годам она

уже бегала, смеялась и начинала говорить. Ни разу не болела, не страдала аллергиями, не чувствовала комариных укусов и понимала все бредни отца. Может, избранная. Или просто удачный эксперимент.

Сознание вернулось резко, будто ударили под дых. Валерия согнулась на койке, закашляв, но тут же поперхнулась, уловив огромное пятно напротив.

За стеклом, сложив руки на груди, стоял мужчина. В ширину раза в три больше Гаммера, в высоту на пару голов, по устрашению — в тысячу раз. На крепком теле как влитая сидела военная форма: черный камуфляжный костюм, нагрудник из черного металла, повсюду какие-то ремешки, кобуры, чехлы и огоньки незнакомой ей техники. Но сильнее впечатляла не одежда, а его лицо. В целом, довольно привлекательное для мужчины, если бы не одно «но»: за короткой стрижкой на голове виднелась пластина до самого виска, от края которого через бровь к глазу шел протяжный шрам. Сам глаз, кажется, был неживой, хоть и двигался очень естественно. Мужчина больше напоминал киборга, опасного и сурового.

— Извините, вы кто? - она потянулась потереть горящий лоб, но зашипела от боли: только сейчас стало понятно, что к ней подключена капельница. Неужели решили накормить?

— Роман Громов, генерал главного командования.

— Вы как-то слишком молодо выглядите для генерала.

— А вы — слишком безрассудно для ученой.

— А я и не ученая. Я последователь и носитель теорий своего отца-ученого. Он не был таким безрассудным. Зачем вы здесь, генерал? Убеждать меня силой?

— Похоже на мой подход, но я здесь по другой причине. Я командую подразделением, которое занимается угрозой Марева. До меня дошла информация о вашем перформансе. Я бы хотел лично услышать вашу позицию.

Она цокнула языком, выдернув катетер. В этот раз осторожно поднялась на ноги и подошла ближе к стеклу.

— Постараюсь изложить попроще. Теория заключается в том, что можно создать что-то вроде сверх-человека, для которого Мареву не будет угрозой. Человека, которого оно не сможет расщепить.

— Вы старых фильмов насмотрелись, наверное. Супергероев не существует. Мареву как кислота, — разъедает все, до чего докоснется. Каким образом человек может это выдержать?

— Мареву — не кислота. Оно воздействует не на физическую оболочку, а нащупывает молекулярную сетку и разбирает её на отдельные атомы. Его действие гораздо сложнее обычного «разъедания».

— Никто не рискнет жизнью ради вашей шаткой теории.

— Вы отправляете своих людей умирать каждый день, засыпая Мареву цементом, или что вы там с ним делаете. Любая ваша попытка его остановить заканчивается жертвами. У вас есть план Б? У меня он есть. И вам, как генералу, должно быть интересно, как сохранить жизни ваших подчиненных, а не отчитываться о сотнях погибших.

— И что вам нужно для создания этого «сверх-человека»?

— Лаборатория, научные сотрудники, доступ к исследованиям Марева и доброволец, которого мы сделаем сверх-человеком.

Генерал Громов ничего не ответил, даже бровью не повел. Просто развернулся и вышел из предбанника бокса. Ни «привет», ни «пока». Довольно по-генеральски.

Но он хотя бы выслушал.

18.10.2051

Медиана, Центральный округ, комплекс «Федерал».

Ранним утром ключевые фигуры расследования «Субъект У8» собирались в круглом зале для совещания. Стол был сурово пустым и стерильно чистым, за спиной Главы Совета

мерцал синевой изогнутый экран. Свет был приглушен, — складывалось впечатление, что это не официальная встреча, а тайный консилиум на грани незаконности.

— Герхард, я готов услышать ваш отчет, - поправив бумаги, Александр Игоревич приготовился записывать заметки.

— Субъект не склонен к сотрудничеству. В процессе аудита непротокольных исследований была выявлена приверженность лженаучным теориям в следствие привязанности к собственному отцу. Теории эти представлены ещё двадцать лет назад Константином Серебровым. Он считал возможным адаптацию клеток к экстремальным условиям, искал способ защитить человеческий организм от... всего — радиации, токсинов, холода. Он был исключен из академического сообщества за сомнительные идеи о направленной эволюции и квантовой биологии. Он был одержим этими разработками, экспериментами на людях. Я подозреваю, он решил сделать подопытным собственную дочь. Поэтому возможны подобные проявления при реакции с ПЭС. Но мы не можем утверждать, что это действительно безопасно для её жизни, и контакт не будет иметь последствий.

— Ваш вердикт?

— Я считаю, сотрудничество с субъектом нецелесообразно. Предлагаю принудительно изъять образцы ДНК и все данные об исследованиях. Сам субъект изолировать.

— Разрешите? - речь Гаммера прервал генерал, приподняв руку.

— Да, Роман Сергеевич, вам есть, что добавить?

— Я беру Валерию Сереброву и её теорию в работу, как экспериментальный протокол. В строжайшей изоляции. Если за месяц не будет результата — лично закрою проект.

— Что?! - Гаммер едва не взвизгнул от возмущения, — это нонсенс! Она даже не ученый!

— Она будет направлена в ВИБ «Арсенал». И по причине того, что она «не ученый», я предлагаю вам, Герхард, контролировать проект.

Глазки научного координатора забегали от генерала к Главе Совета. Он явно молился, чтобы Верховного не устроил такой расклад. Но Александр Игоревич отложил ручку и медленно кивнул:

— Ваше предложение одобрено. Вся ответственность теперь лежит на вас. Вам и отвечать за любые поступки Серебровой. Будьте добры не разочаровать меня, генерал.

Глава 3. Вектор

20.10.2051

Медиана, Пост В18.

«Эксперты утверждают: расчетное время, когда Марево доберется до медианы, около года. Следует ли нам ожидать чуда? У нас в гостях академик, член научного совета, и он готов представить свои прогнозы.»

— Вы никогда не были за Стеной?

Валерия мотнула головой, перебирая вещи в рюкзаке, которые стали больше похожи на хлам. В собственной квартире ей дали две минуты, чтобы собрать «всё необходимое», поэтому она просто сваливала бумаги со столов в сумку, почти не думая. И страх забыть что-то очень важное томился следующие три часа, пока сумка снова не оказалась в её руках на заднем сидении джипа.

Сначала она даже не поняла, кто пытается вести с ней светскую беседу, пока, наконец, не подняла голову, убедившись, что все вещи на месте.

Спереди, рядом с водителем, сидел генерал, своей массивной фигурой закрывая половину вида на выход из последнего безопасного оплота цивилизации. Выезд напоминал погружение на субмарину. Автомобиль загнали в огромный амбар, больше похожий на операционную. Из вентиляции кондиционера проник химический запах, бьющий по ноздрям. Яркий свет прожекторов на мгновение ослепил.

— Генерал, извините, - она сползла с сидения, придвинувшись вперед, к нему поближе, — я не запомнила, как вас зовут. Было как-то не до этого.

— Роман Сергеевич, - мужчина внимательно через окно следил, как люди в костюмах химзащиты с камерами на шестах оползали каждое колесо.

— Куда мы едем?

— Военно-исследовательская база. Там вы будете работать.

— За это мне надо именно вас благодарить?

— Меня благодарить не надо. Выполняйте свою работу, и всё.

Генерал был явно не разговорчив. Когда рано утром к ней пришла дивизия людей в форме и вывела из карантинной зоны, она готовилась к плахе. Уже представляла, как работы её отца изучают и после безжалостно сжигают. А затем ей сказали: «по приказу Верховного координатора вы назначены гражданским специалистом по вопросу государственной важности». И легче от этого, почему-то, не стало.

Теперь же её везли за Стену, — туда, где по её представлению нет буквально ничего, кроме бесконечной пустоты и серости. В гос-пропаганде не рассказывали об исследовательских базах или вообще о чем-то за периметром Медианы. По закону там было абсолютное «ничто», мертвый мир, в котором нам, человечеству, уже нет места.

Но они куда-то ехали, и их действительно собирались выпускать. Сначала был гулкий рёв вентиляции и скрежет массивных затворов. А после они выехали в длинную, ярко освещенную трубу, пронзавшую толщину Стены. В ушах заложило — внутренняя атмосфера выдавливалась внешней. Всё уже выглядело нереальным, словно в страшном сне. Сейчас они выедут по меньшей мере в ад, и всё, наконец, закончится.

Они медленно плелись по тоннелю минут десять, пока не увидели низкий потолок внешнего форта. Вместо сотрудников в защите перед машиной показались вооруженные солдаты. Осмотрели машину снаружи, заглянули в окна, отдали честь генералу и, как по команде, сдвинулись к дальней стене. Последний рубеж перед пустошью был преодолен.

И лишь теперь, с противным протяжным скрипом, опустилась бронированная рампа. В проеме показался пейзаж, который всего несколько мучительных дней назад она видела через окно Федерала и даже не надеялась увидеть так близко. Мертвая пустыня и грязно-серая пелена на горизонте. Джип со свистом рванул прямо к ней.

Валерия оглянулась назад, на свой дом: внушительная Стена стремительно удалялась, а из её дырки змейкой выплывалось ещё пять таких же машин. Сюрреалистичная картина — покидать свой собственный кокон, который казался целой вселенной, а теперь выглядел как маленькая фигурка из картона за пеленой поднятой колесами пыли и песка.

Сектор П4, 134 километр.

Пустошь внушала тревогу своей безмятежной однообразностью. Обломки старой техники закончились недалеко от Стены, а дальше — бескрайние чистые пейзажи высохшей, бесплодной земли. Девушка, не отрываясь, вглядывалась в постепенно опускающиеся сумерки, и всё чаще ей чудились проносящиеся человеческие фигуры. Это легко можно было списать на абсолютное истощение организма, — даже капельниц было недостаточно. Она предполагала, что пока была без сознания, у неё все-таки взяли анализы, и именно по этой причине так легко выпустили из карантина. Хотя она и без этого знала, что не заразна. Иначе все курьеры и доставщики еды Восточного округа давно стали бы неуязвимы перед Маревом, и делили стерильный бокс с ней.

Они ехали восьмой час: отрывать взгляд от окна получалось, только чтобы взглянуть на время на приборной панели. Благодаря непрерываемой тишине, путь казался бесконечно долгим. Первые километров сто Валерия надеялась, что хотя бы генерал поговорит о чем-то с водителем. Но они молчали. И всё, что оставалось слушать - рёв мотора и треск гравия о колоса.

— Песчаная буря догоняет, - вдруг произнес мужчина за рулем, и Сереброва тут же ожилилась.

— Надо переждать. Есть по близости место привала?

— В секторе П5, через километр. Оно не зачищено.

— А есть выбор?

— Боюсь, никак нет.

— Значит, едем, - сбоку на груди Громова затрещала рация, — прием. Угроза бури. Следуем в укрытие, сектор П5.

С проложенной в прошлом веке полуразрушенной дороги автомобиль съехал прямо на песок и рванул куда-то в сторону барханов. Предположить, что в этом районе было раньше, возможным не представлялось. Все словно пало под силой природы: может, где-то там внизу, под грудой песка в перемешку с пылью, похоронен целый город. Медиана располагалась в самом сердце материка, и маловероятно, что даже до войны вокруг была бескрайняя пустошь.

Отец что-то рассказывал ей про мир до появления Стены, но из детства она помнила мало: почти все свободное место занимали эксперименты и научные термины, которыми он пичкал её с пеленок. Но одна история засела крепче всего: конец долгой, ужасающей войны. Бился не весь мир, но целая планета содрогалась непрерывно, пока в один момент не наступила тишина. Доподлинно до сих пор не известно, что именно случилось, кто был инициатором решения, и как оно было принято так быстро и одномоментно. Бомбардировщики просто спустились на землю, танки остановились, и всё стихло. День, два, неделя. Власти молчали. А через месяц из-под земли вокруг крупного города подобно землеройкам выбрались гигантские машины. Те самые «Циклопы», ставшие козырем в руках тех, чьи имена теперь выбиты в камне на века. Стена разрослась быстро, со всей планеты стекались избранные, кому хватило знаний, умений или денег. А остальные - остались на могиле погибающего мира. Первое время через Стену пытались пробиться, ломались и расстреливали из уже ставших бесполезными

танков. Лагерь беженцев столпились по всему периметру Медианы и днями, ночами молили их впустить. А через год не осталось никого. Все просто ушли или погибли. И, что с этими людьми, теперь знали слишком мало, по крайней мере такие, как Валерия. Ей казалось, человечество вне стен мертво. Иначе кто-то бы точно уже дал о себе знать.

За барханами вырисовывались ландшафты саванны. Бесконечная желтая серость сменялась клочками зелени и невысокими деревьями с грязно-зелеными листьями. Где-то даже виднелись бетонные крепления, остатки дорожных знаков и почти под ноль разрушенные основания каменных зданий.

Наконец, на горизонте появилось нечто - стекло, отражающее остатки лучей закатного солнца, слепило. Будто едва держась на металлических балках, высокая полусфера казалась нереальной, настолько неестественно она смотрелась в этом пейзаже.

Машина остановилась у подобия входа: аркой выбитые стекла и перекошенная конструкция создавали большой проход, куда смог бы заехать и грузовик. Первым вышел генерал. Осмотрелся, дождался, пока доедут остальные машины, и вокруг него выстроится ровный строй солдат. И лишь после этого открыл дверь девушке.

— Выходите и вставайте в строй, я проведу инструктаж.

— Прямо в строй? - с трудом соскользнув с высокого сидения, она едва удержалась на ногах. Слишком долго просидела на одном месте, и теперь кровь хлынула к стопам, из-за чего шагать в строй оказалось почти непосильной задачей.

Но она доковыляла и встала рядом с лысым парнем в конце ряда. Он едва взглянул на неё, снова обратив все внимание к Громову.

— Мы находимся на аварийном месте привала. Зона не зачищена и не подготовлена к ночи. Действуем по протоколу «Карман». Делимся на три группы, проводим детальный осмотр области, ограждаем аварийные места и вступаем в дежурство патруля. Вы прекрасно знаете все правила, но для уважаемого гостя мне придется повторить. Первое: никуда не отходить без сопровождения. Второе: не прикасаться к местным вещам. Третье: любое действие от похода в туалет до кашля согласовывать лично со мной.

Валерия тут же подняла руку:

— Извините, а что-то вроде ужина в ваш протокол входит?

— Вас накормим в первую очередь, не волнуйтесь. Если вопросов больше нет, делимся на группы и приступаем к обходу. Сереброва, пока побудьте у машины рядом с водителем.

Облокотившись о капот, брюнетка огляделась по сторонам. Серо-черные кители разбрелись вокруг стеклянного купола пятью тройками, - видимо, стандарт, раз они не тратили ни секунды на распределение. Генерал скрылся еще до того, как она успела заметить направление. А водитель вообще не вышел из авто, хотя бы размять ноги. Готовится в любую секунду уезжать?

Внутри здания что-то блеснуло, слово специально привлекало к себе внимание, манило особо любопытных. В чете Серебровых любопытства было с избытком, - за счет этого в принципе существовала теория отца и её собственный геном. Поэтому она выпрямилась, ещё раз осмотревшись: все солдаты будто испарились, - и двинулась ко «входу» из острых осколков.

Стекло захрустело под ногами, стоило ей переступить порог. В центре холла оказалась декоративная стойка, в которой едва узнавался фиолетовый осьминог с шестью щупальцами. Краска окислилась и потрескалась, а столешница раскололась пополам. Именно за эту стойку заглядывал один из военных. Он стоял спиной, поэтому вряд ли заметил девушку, которая медленно отступила в сторону, стараясь больше не шуметь. Позади стойки была полукруглая ширма с проходами с обеих сторон. Валерия выбрала левую и двинулась мимо явно увлеченного чем-то мужчины. Проскальзывать мимо охраны ей в последнее время получалось страшно легко.

Попав за стенку, она застыла в шоке: всю окружность занимали пустые аквариумы и террариумы. А во главе, словно устрашающий памятник, возвышался аквариум в форме цилиндра с мутной, желто-янтарной водой, в толще которой, чуть накренившись, словно зависла в падении огромная акула. Её тело тускло-бежевого цвета с белым солевым налетом съежилось, обтянув скелет как кожа на мумии. Акула глядела точно на неё своими мутными глазками, почти с тоской и безысходностью.

Валерия подошла ближе и заметила прямо на стекле надпись черным маркером: «спи, Ева. Я побуду с тобой ещё немного». Она едва коснулась первой буквы, когда нога скользнула вперед, едва не впечатав её носом в аквариум.

— Черт, - она сдвинула ногу и опустила взгляд, - чуть помятая ислевшая тетрадь чудом не порвалась под её весом. В очередной раз, как параноик, - что вполне естественно, - оглядевшись, она подняла тетрадь и открыла в середине.

Ровным почерком выеденная запись:

«День 45. Добавил 500 грамм соли. Концентрация формалина 0,005%. Акула (назвал её Ева) отказалась от скумбрии. Двигательная активность снижена. Попробую достать более мелкую рыбу.»

Дни стремительно сменялись со страницами. Всего через десять страниц взгляд зацепился:

«День 210. Генератор сдох, нет топлива. Фильтр больше не работает. Придется увеличить дозу антисептика. Прости, Ева, я превращаю твой дом в саркофаг, чтобы ты могла ещё пожить. Наверное, это довольно эгоистично? Но один я здесь не справлюсь.»

— Валерия, что вы здесь делаете?

Незнакомый голос заставил её вздрогнуть. Она обернулась, спрятав журнал за спиной:

— Простите, мне было интересно, что здесь.

— Вы что-то трогали?

— Нет, вы что, - протянула она и отвела взгляд.

— Простите, я вынужден доложить Роману Сергеевичу. Пройдемте со мной, место привала уже организовано.

Девушка послушно засемила за тем самым лысым солдатом, всё ещё оглядываясь на законсервированную рыбину. Микромир за Стеной, - показательная картина того, во что превратилась жизнь после Медианы.

Около стойки-осьминога действительно расстелился лагерь: несколько наспех протертых от пыли стульев, какие-то бревна - подобие лавок - с накинутым брезентом. В центре - что-то вроде компактной полевой печки с длинной трубой, которая стелилась по земле к одному из разбитых стекол. Ящик с кухонным набором. Криво приклеенные к стеклам плотные куски ткани, - как попытка спрятаться от кого-то с улицы. Небольшие керосиновые лампы, хаотично расставленные вокруг зоны привала.

Валерия рухнула в предложенный складной стул, запихнув тетрадь под пятую точку, и прикрыла глаза. Слишком много впечатлений для одного дня, - голова шла кругом. Последняя неделя в принципе выходила за рамки нормы. Жизнь, которая прежде ограничивалась четырьмя стенами и тоннами документов, за мгновение превратилась в бесконечно расширяющуюся, лишенную быта фантастику.

— Вы думаете, это музей?

Она тут же выпрямилась, распахнув глаза. Прямо над ней возвышался генерал, и вид у него был ещё более грозный, чем обычно.

— Простите?

— Мы в опасной, враждебной зоне. Каждый гвоздь здесь может стать как вашей гибелью, так и сигналом для тех, кто живет в этих руинах.

— Не понимаю, о чем вы.

— Лучше отдайте. Не заставляйте меня вас обыскивать и забирать силой.

Непроизвольно вцепившись в журнал, она всё же вытащила его, но прижала к груди:

— Здесь кто-то писал. Пытался спасти остатки мира. Это память. О том, как гибла жизнь за пределами стены.

— Вы собираете доказательства для своего будущего оправдания? Оставьте сантименты. Здесь выживают, а не философствуют.

— Вот именно, что выживают. Стена не защитит от Марева, зато защитила от человечности.

— Я даю вам время добровольно утилизировать биоматериал. Иначе наш разговор будет в другом тоне.

У Громова была особая способность уходить по-английски с солдатской выправкой. Разворот, прямая широкая спина, которую остается только молча провожать взглядом. Пара секунд, и он снова исчезает на улице.

Без нужды больше скрывать тетрадь, она вновь открыла её:

«День 400. Мы с тобой, Ева, последние, кто помнит звон детских голосов у твоего аквариума. Тебя боялись. Тобой восхищались. Меня не замечали. А теперь мы с тобой важнее всех королей за этой их Стеной. Знаешь, почему? Потому что мы хранители памяти о мире, который дышал. Я хотел бы помочь тебе, вдохнуть хоть немного жизни. Но я сам едва шевелюсь. Твоя тюрьма - аквариум, моя - собственное тело и чувство долга. Я должен что-то сделать для твоего спасения. Должен.»

Вопрос, как акула не истлела за столько лет, был решен: отчаявшийся смотритель, как мог, пытался поддерживать жизнь умирающего животного. Соли, формалин, антибиотики, - он невольно создал ферменты для консервации, а не способ спасения. Вместо очищения, вода лишалась кислорода, вместо питания, акула получала транквилизатор. И теперь она - единственное напоминание о его стараниях. Где он сам, даже не представить. Решил умереть подальше от питомицы или отказался видеть, как умирает она?

— Поешьте, - перед лицом возникла открытая банка ароматной каши, но аппетит давно пропал.

Валерия встала со стула, мотнув головой перед лицом солдата:

— Проведете меня к генералу?

— Он патрулирует район. Могу я решить ваш вопрос?

— Вряд ли. Проводите, я не буду ему мешать.

На удивление, солдат, всё тот же, - видимо приставленный следить за ней, - послушно отставил консервы и шагнул к выходу. Он молча довел её до холма сбоку от океанариума, где генерал статуей глядел куда-то вдаль.

С трудом взобравшись по сыпающемуся от каждого движения песку, она остановилась рядом и попыталась рассмотреть, за чем он так пристально следит через бинокль. Вперед на тридцать метров была равнина нетронутой дикой земли без намека на хоть что-то интересное или подозрительное.

— Вы воевали... Там? - она неопределенно обвела ладонью бескрайние развалины сбоку от того места, за которым мужчина бдел.

— Нет, - после долгой паузы произнес он и отнял бинокль от лица, — я воевал, чтобы этого не стало с нами. И мы победили, - построили Стену. А это, - он слабо махнул биноклем в сторону пустоши, — это и есть цена нашей победы. Не Мареву. Это.

Девушка протянула ему журнал, с тоской цепляясь за него взглядом в последний раз:

— Значит, мы не спаслись. Просто... отгородились от последствий?

— Да, - по-странному спокойно произнес он и, вдруг резко вырвав тетрадь из её ладоней, скрутил в плотный жгут, — а теперь вы, видимо, жаждете снова открыть эту дверь. Не зная, что на этот раз войдет внутрь. Вы возомнили себя визирем мирового краха? Ваш отец

хотел улучшить человека. А я двадцать лет отстреливаюсь от того, во что люди превращаются, когда их не улучшить. Чувствуете разницу? Ваше любопытство - это констатация факта, крест которого я буду нести всю жизнь.

— С чем вы воюете? За кого?

Он не ответил, - диалог прервало шипение рации на его груди:

«...движение...в зоне три...люди с оружием...»

Громов тут же собрался, усталый цинизм, которым он общался с ней, вдруг как по щелчку сменился холодной решимостью.

— К бою, тихий режим. Гражданскую - в броневик, под замок, - уже отходя, произнес он в рацию, и бросил на Валерию последний взгляд, — музей закрывается. Экспонаты ожили. Бегом к машине. Исполняйте приказ.

Она не спорила, это было бы глупо. Скатилась по песку на бедрах и поспешила к машине, на полпути к которой её уже ждал личный лысый провожатый. Вместо джипа, на котором она добиралась сюда, её запихнули в микроавтобус из толстого черного металла: внутри было восемь сидений друг на против друга и маленькое окошко на задней двери у самой крыши. Именно к нему она и припала в надежде разглядеть, что там происходит, вопреки всем правилам безопасности.

По стандартному сценарию, именно в этот момент догнала та самая буря, от которой отряд надеялся скрыться здесь. В клубах пыли мелькали фигуры, вспышки яркого света, глухо доносились выстрелы. Брюнетка прижала к стеклу по сторонам от глаз ладони, лишь бы увидеть хоть что-то, и об этом решении быстро пожалела: прямо перед ней показалось бледное, измазанное пылью лицо незнакомца с безумным взглядом. Он застыл лишь на секунду, прежде чем на окошко брызнула ярко-красная кровь, закрыв весь обзор. Она взвизгнула, отшатнувшись, и рухнула прямо на пол между креслами.

За свою жизнь Валерия видела критически мало. Домашнее обучение, из собеседников - только отец. Всё существование крутилось вокруг отца. Он был ей и родителем, и другом, и учителем, и начальником. Когда он умер, рухнула основа её собственного маленького мироздания, и страшнее этой секунды до сегодняшнего дня она не могла даже представить.

Но немая мольба человека давила тисками. Мольба человека, который знает, что умрет, знает, что надежды нет, и всё равно теплит её до конца. Даже глядя на такую же напуганную девчонку за пуленепробиваемым стеклом.

Кем он был? Врагом? Мародером? Случайным свидетелем? Этого ей никогда не узнать. Только думать-думать-думать до последнего вздоха.

Внезапный грохот вернул её к реальности. Она заползла на одно из сидений, теряясь среди набивающихся внутрь солдат.

Броневик рванул с места, оставляя за собой клубы серой пыли. Валерия, прижавшись к холодному железному листу, смотрела в оставшуюся от стекающей крови щелку на огни разгорающегося пожара. На тех, кого они оставили по ту сторону Стены двадцать лет назад. Вряд ли там кто-то выжил, но их дух поднимался с удаляющимся черным дымом и копотью.

Громов сидел напротив, его профиль был вырезан из стали тусклым светом приборов. Он не смотрел на неё. Не мигая глядел в пустоту своих собственных мыслей, может, перебирая возможные исходы этой вылазки или считая потери. Облепленный с двух сторон своими запыхавшимися подчиненными, он, казалось, даже не напрягся. Будто так и сидел здесь всё это время.

— Отличная работа, парни, - наконец, произнес он и откинулся к спинке сидения. Облегчения на его лице не отразилось. В полумраке мигнул синевой огонек глаза.

Валерия замерла, замороженная. Это было не похоже на рефлекс живого органа — слишком ровно, слишком стерильно. Сигнал того, что все...просто закончилось? Или тихий сбой в системе, которая только что отдала приказ на убийство? Она отвернулась к окну, внезапно

почувствовав ледяной ком в груди от понимания. Человека напротив не было. Был солдат. И его механизм дал сбой.

Глава 4. Горн

Протокол предварительного слушания №1.

Комитет по этике научных исследований при Совете Стабильности

Объект рассмотрения: Действия гражданки В. К. Серебровой и генерала Р. С. Громова в период, предшествующий инциденту «Нулевой порог».

Следующий фрагмент аудиозаписи предъявлен комиссии:

Дознаватель А: Гражданка Сереброва, Ваш первый выезд за периметр Стены. Формально — под охраной. Но по факту — маршрут и состав группы был определен исходя из Ваших требований к месту забора образцов. Вы подтверждаете информацию?

Валерия: Я просила добраться до «Арсенала». Как это сделать, решал генерал Громов. Я не отдавала никаких приказов солдатам.

Дознаватель А: Тем не менее, при столкновении с асоциальными элементами в секторе П5, Вы не воспользовались правом вето как гражданский специалист. Вы наблюдали, как группа под командованием генерала Громова применила летальную силу. Восемь человек без попытки мирного контакта. Вы, как ученый, чья миссия — *спасение человечества*, не сочли нужным вмешаться?

[Долгая пауза. Подсудимая нервно вздыхает.]

Валерия: У меня не было так называемого «права вето». У меня был выбор: быть убитой ими или... продолжить путь. Я выбрала путь. Я не руководила отрядом, я в нем выживала.

Дознаватель А: *«Выживала»*. Интересная формулировка в Вашем положении. То есть, для спасения человечества Вам необходимо было обеспечить собственную безопасность, даже ценой жизни других представителей этого человечества? Это основа Вашей этической позиции?

[Звук резкого движения, скрип отодвигаемого стула.]

Председатель: Генерал, Вам будет предоставлено слово. Прошу соблюдать процедуру. Гражданка Сереброва, Ваш ответ зафиксирован: *Вы признаете, что Ваше физическое выживание было приоритетнее возможных жертв.* Это важное свидетельство.

[Аудиозапись прерывается]

Примечание: Показания гражданки Серебровой демонстрируют изначальную склонность к утилитарной, антигуманной логике, ставящей её личные цели выше общечеловеческих. Данный паттерн будет прослеживаться на всем протяжении реализации проекта.

21.10.2051

Военно-исследовательская база «Арсенал», полигон Тесей.

— Приехали. Все на выход.

Едва услышав чей-то голос впервые за целую ночь, девушка распахнула глаза. Уснув среди солдат, теперь она очнулась на плече одного из них, сидящего слева. Стыдливо извиняясь, она выпрямилась и потерла глаза. Усталые мужчины медленно выползали из броневика, - видимо, сон себе позволила только она.

— Извините, сколько мы ехали? - она обратилась к тому, кто стал её невольной подушкой, и именно поэтому до сих пор не вылез из машины.

— Около двенадцати часов.

Весь путь занял меньше суток, хотя казалось, они преодолели целый континент. Сквозь сон она слышала что-то про «последнюю магистраль», - видимо, поддерживаемую для военных целей трассу. Но большую часть времени они тряслись по ухабам и пескам. Как-нибудь позже она попытается выяснить, сколько километров они преодолели. А пока, нужно было вылезать на встречу с базой, которая станет её обителью черт знает на сколько времени.

Раннее утро встретило морозным ветром, резануло щеки и скрылось где-то между пиков каменных скал. Скалы эти будто грубо обнимали своими хребтами огромное здание из сурово серого бетона, - несколько его блоков выглядывали из-за высоких ворот, по сторонам от которых стояли солдаты в камуфляжных плащах с ружьями наперевес.

Валерия попыталась пересчитать попутчиков, — точно ли их осталось столько же, сколько было во время привала, понять не вышло. Она в целом из всех запомнила только генерала и лысого провожатого, остальные даже не смотрели в её сторону, словно она лишь бесполезный багаж. Но что-то внутри все равно уверяло: кроме мародеров не пострадал никто.

Ждать, пока откроются железные ворота, не стали. Под конвоем генерала собственной персоной, всё ещё потерянную девушку провели через сливающуюся с бетонной стеной дверь. Территория перед зданием оказалась пугающе упорядоченной и просторной. Посередине — широкая аллея, ведущая ко входу, по бокам, за низкими оградами, — плацы, где с одной стороны пять раздетых по пояс крепких мужчин, видимо тренируясь, били по резиновым фигурам на тонких ножках. С другой же - ещё десяток мужчин, уже одетых в солдатскую форму, провожали прибывших взглядами. Наверное, прервали строевое собрание, чтобы встретить генерала. Все, мимо кого он проходил, отдавали честь, и это казалось чем-то очень странным, как очередной бессмысленный протокол. Он ведь почти ни на чью «честь» внимания не обращал. Так зачем это тогда?

— Экскурсию вам проведут позже, - вдруг подал голос Громов, слегка повернув голову к плетущейся сзади девушке, — но конкретно это место - одно из многих, отведенным военному отряду. Вам, ученым, здесь делать нечего, - он еще раз глянул в её сторону из-за плеча и тихо хмыкнул, — если только не хотите отвлекать новобранцев своим растерянным личиком.

— Ого, а вы умеете шутить? - съязвила она в ответ.

— В нашем положении, шутить - это дефицитная привилегия, поэтому не стоит злоупотреблять.

Они быстро преодолели ступени, - здесь их было в разы меньше, чем у здания Федерала, — Валерия даже не запыхалась. Обе створки широких дверей отворились, и белоснежный холл встретил гостей запахом металла и силикона. Живо представились снующие между колоннами кители и белые халаты, подобно противоестественному симбиозу острого ума и грубой силы. Представить исследовательскую базу с военной охраной на воротах было легко, военную базу с парой штатных медицинских сотрудников - тоже. Но объединение исследователей и солдат под одной крышей в равноправном положении - сродни бреду. Такие нестандартные решения возможны только в условиях абсолютной нестабильности, войны или безысходной бойни. Осталось понять, что в мире происходит именно сейчас.

— Для чего эта база была изначально? - всё же решилась спросить она, свернув за мужчиной в длинный коридор.

— Вас интересует глубокая история или нынешние реалии?

— Была бы рада увидеть полную картину.

— Геологический форпост до Стены. Сейчас — наш последний рубеж наблюдения и разработки, - он остановился у двери, ведущей к очередной лестнице, — на базе «Кузня» зафиксировали первое столкновение с ПЭС. Теперь её нет.

— А до нас она не дойдет?

— У нас полгода, чтобы сделать невозможное.

Сроки сдавливали своими тисками неумолимо, жестко. Что она вообще будет здесь делать? Объяснять свои эфемерные идеи настоящим ученым? Перебирать пробирки, переливать свою кровь литрами, чтобы найти хоть что-то? И всё это за каких-то полгода. Смешной срок для величайшего открытия генетики. Отец занимался этим всю свою жизнь, и смог добиться лишь отголоска нулевого гена в собственной дочери. Ей же предстояло закончить работу всей его жизни за считанные мгновения. Самонадеянно.

Здание, как объяснил генерал, делилось на блоки: жилой, научный, военный. Комнаты научных сотрудников располагались именно в жилом блоке, на втором этаже. Туда девушку и привели, без какого-либо «особого отношения», к самой крайней комнате. Внутри - две койки, две тумбы около них, квадратное окно за железными прутьями, стальной шкаф, стол, стул, — никаких излишеств.

— Кто мой сосед? - осторожно шагнув внутрь, Валерия переминалась с ноги на ногу. С непривычки тут было очень неуютно. Мрачное, стерильное место, лишь на толику приятнее бокса карантина.

— Соседей не будет. Это не наказание, а протокол изоляции для всех, кто контактировал с ПЭС или вызван без предварительной подготовки. Близкий контакт вне рабочего процесса для вас строго ограничен, пока вы не докажете свою пользу и безвредность.

— Вы сами-то хоть знаете, как мне это доказать?

— Ваша задача — результаты. Моя — обеспечить вам условия, чтобы вы их добились и не устроили непредвиденный инцидент, - впервые с момента, как она вошла в комнату, он оторвал от неё взгляд и оглядел скромное убранство, — дорога была долгой. Когда последний раз ели?

— Не помню. Думаю, последней была капельница.

— Я распоряджусь принести вам завтрак. Сегодня осваивайтесь. С завтрашнего дня вся команда будет в сборе, устроим планерку, - мужчина уже взялся за дверь, — я могу попросить унести вторую кровать.

— Спасибо, не стоит. Вы меня запрете?

— Вы не в тюрьме, но первое время не рекомендую разгуливать по блоку. Если что-то будет нужно, попросите дежурного у лестницы.

Дверь захлопнулась, оставив лишь тихий скрежет вентиляции откуда-то из-под потолка. Брюнетка рухнула на свежестиранную белоснежную постель и открыла рюкзак, который всё это время крепко прижимала к груди. Вывалив всё содержимое рядом с собой, она принялась перебирать вещи. Тревога, что важные вещи остались дома, не отпускала каждую минуту долгого пути.

Все записи отца были на месте, хоть некоторые тетради и изрядно помялись. Четыре толстых журнала без обложек, вдоль и поперек забитые хаотичными записями, формулами, чертежами клеточных структур. Одна детская тетрадь, - туда папа записывал результаты исследований и анализов дочери. Контейнер с образцами - термостойкий кейс с ампулами её собственной крови в разные периоды жизни, пробирки с образцами кожи и последняя криокапсула с Маревом.

Вещь, о которой она переживала больше всего - диктофон, к счастью, был в куче. Единственный якорь, который помогал упорядочить буйные волны мыслей во время работы, и хранилище уже собранных данных. Из полезного оставалась только небольшая аптечка: шприцы, ампулы с мощным седативным, скальпель, хирургические нити, отцовская мазь. Она с детства привыкла быть врачом самой себе.

Остальное лишь лирика, сакральная и бессмысленная: обмылок с легким, едва уловимым запахом хвои, - настоящее мыло, а не дезинфицирующий гель, и маленькая потертая механическая игрушка-черепаха. Именно её она бережно поставила на тумбу рядом с кроватью и, наконец, поняла, какую с виду незначительную вещь она забыла.

Фотография отца яркой сценой всплыла в памяти, лежащая на таком видном месте в свете лампы, которую она так и не выключила перед отъездом. Мелочь, оставленная впопыхах, ударила больно куда-то между ключицами, словно сперло дыхание. Она в панике хватала научные записи, но забыла человеческое лицо, самое родное и единственное, действительно ценное в жизни.

— Черт, - вжав голову в плечи и крепко схватившись обеими руками за основание койки, тихо прошипела она, — прости, пап.

22.10.2051

Громкий гул вызвал панику в секунду пробуждения. Сон будто стёр последнюю неделю из памяти, и, слишком уж долго пытаюсь оклематься, она никак не могла узнать место, в котором находится. Затуманенный взгляд полз от стыка между коричневатой стеной и белоснежным потолком к выключенной флюоресцентной лампе. Это вернуло мыслями в отцовскую «операционную», где она лежала на списанной с клиники каталке и глядела на мигающий операционный светильник.

Она огляделась дальше, до другого конца комнаты, где стальная дверь бликами отражала рассветные лучи. Осознание подбиралось тягуче, медленно, как мед, и она, наконец, поднялась в постели. Она на военно-исследовательской базе, и сегодня ей нужно доказать десятку лучших умов человечества целесообразность своей неоформленной идеи.

Вчера её дважды накормили, вручили служебную одежду, полотенца, зубную щетку, базовые средства гигиены и необходимую канцелярию. Больше всего её волновала именно одежда. Мысли были настолько забиты предстоящей работой, исследованиями, что взять с собой хотя бы белье ей ума не хватило. И сидя на кровати в единственном *своем* — хлопковой майке, которую благодушно для неё постирали, — она размышляла, есть ли шанс договориться, чтобы при чьем-нибудь следующем выезде в Медиану, захватили её привычные вещи из уже, наверняка, опечатанной квартиры. Глупо.

Усмехнувшись собственным мыслям, она окончательно поднялась с кровати, натянула базовую форму: черную водолазку, рукав которой больно щелкнул по коже статическим электричеством, такие же штаны из жесткой ткани и кроссовки, идеально подобранные по размеру, хотя стопу ей никто не измерял. Она вгляделась в ту небольшую часть своего тела, которую было видно в зеркальце внутри дверцы стального шкафа, и пригляделась к маленькой выбитой белой краской аббревиатуре на воротнике: «ДНА». Ей уже объяснили, что это означает «Дирекция науки и адаптации», а сама она уже додумала, что это очередное клеймо подконтрольного инструмента и крест, который ей придется нести здесь каждый день.

Провожали даже до туалета, чтобы умыться. Потом позволили вернуться, чтобы оставить одни вещи и взять другие - для доклада, и проводили уже до четвертого этажа. Тревогу выдавала бесконтрольная дрожь. Не спасало даже любопытство от новых видов. Здесь не было длинных мрачных коридоров, - с лестницы сразу встречала столовая, где слышался легкий гомон сонных голосов завтракающих сотрудников. Здесь были и молодые солдаты, и люди в медицинских халатах, и неприметные сотрудники в черных мешковатых униформах.

Двусторонние двери, ещё с минуту покачивающиеся из стороны в сторону после чьего-то выхода, вели в небольшой квадратный пролет с балконом за стеклом в пол. Дальше — что-то вроде комнаты отдыха с широкими диванами и огромной электронной картой во всю стену. На нем угрожающим красным пятном горела зона Марева со стрелками её наступления в разные стороны. Местечко сделалось мрачным.

Валерия всё провожала взглядом гигантскую кляксу, пока не ткнулась плечом в очередную дверь с узким окошком. Именно в этом окошке она увидела то, что мгновенно выбило весь воздух из легких. Это был конференц-зал. И в нём собрались *все*. И возглавлял это собрание гарпий сам Гаммер, - мерзкий старикашка, которого она начала презирать в первую же секунду знакомства. Он её, наверняка, тоже.

Провожатый с нетерпением сам открыл дверь, протиснувшись между ней и косяком:

— Прощу, проходите. Вас уже ожидают.

— Вижу, - буркнула она и ещё раз перебрала бумаги негнувшимися пальцами.

Холодный свет, длинный стол, погасший экран. За столом — семь человек, вокруг него ещё с десяток. Взгляд зацепился за Громова, стоящего в углу со скрещенными на груди руками.

— Наконец-то, - с каменным лицом выдохнул Гаммер, — перед вами Валерия Сереброва. Некоторые из вас могут помнить её отца. Она утверждает, что способна остановить ПЭС биологическим методом, - он пристально следил за тем, как она неловко продвигалась к экрану под монотонный скрип его старческого голоса, — Совет выделил ей один месяц, лабораторию и право на проведение экспериментов для получения первых внятных результатов. Ваша задача — направлять, консультировать, обеспечивать то, что она запросит. Ваше право — фиксировать нарушения и докладывать мне. Вопросы?

Молчание. Два десятка пар глаз смотрели на неё, оценивая интересный экземпляр. Ни одного доброжелательного взгляда.

Экран загорелся мягким белым светом, стоило ей оказаться перед ним. Она откашлялась, крепче сжав бумаги, лишь бы скрыть дрожь, и начала заученную речь:

— Мареву... то есть, ПЭС — это не кислота и не радиация. Это... - договорить ей не дали.

Тучный возрастной мужчина, который не соизволил даже поднять взгляд со своих наручных часов, громко фыркнул:

— Мы знаем, что такое ПЭС, юная леди. Мы работаем с ним с момента появления. Вопрос в другом: что такого можете сделать вы, чего не смогли двадцать, - он лениво обвел рукой заполненный учеными зал, — кандидатов наук с лучшим оборудованием в мире?

— У них не было этого, - она отложила бумаги на стоящую рядом тумбу и закатала рукав. На внутренней стороне предплечья — бледная, почти незаметная линия, уходящая в вену на сгибе локтя. След от двадцатилетних инъекций, — у них не было носителя.

Мужчина посмотрел на неё почти без интереса, но всё же замолк.

Брюнетка развернулась к экрану и, сжав левой рукой бьющуюся тремором правую, принялась чертить схему пальцем. Сенсорный экран без запоздания повторил синей линией её движение, — получалось удивительно ровно.

— Любая материя держится на связях. Атомы притягиваются к атомам, электроны бегают по орбитам. ПЭС не разрушает вещество, а разрывает связи. Процесс фундаментальной декогеренции, - она схематично нарисовала связь между клетками, которая рвется и расщепляется, - клетки разлетаются, — мы не можем «починить» связь. Она рвется быстрее, чем мы успеваем её восстанавливать. Поэтому нам нужно не чинить, а перестать нуждаться в том, что рвется, — Валерия стерла предыдущую схему прямо ладонью и принялась чертить следующую: клетку с митохондрией внутри, — в здоровой клетке основная энергия производится митохондриями. Это сложный, эффективный, но слишком хрупкий процесс. Если ПЭС «рвет» митохондриальную мембрану, клетка задыхается за секунды. Даже если ядро цело, даже если ДНК не повреждена. Просто нечем дышать.

Она повернулась от экрана к слушателям и замолкла, нахмурившись. Мысль крутилась в голове: она всю жизнь наблюдала за этим на практике, но теоретически объяснять не на игрушках и сравнениях, как это делал отец, - оказалось гораздо сложнее. Еще сложнее - осознать, что любые теории отца для людей в этом зале - не больше, чем бред сумасшедшего.

— Мой отец пошел с другого конца. Он сказал: если митохондрия не может работать в условиях распада, пусть она перестанет работать вовсе. Переключится на режим, которому не нужны ни кислород, ни целостность мембран.

Чересчур изящная для лабораторного сотрудника рука поднялась с карандашом между тонких пальцев. Статная женщина за тридцать со свежим, молодым лицом, снисходительно склонила голову, будто общаясь с ребенком:

— И как, по-вашему, клетка будет дышать без митохондриального дыхания?

— Будет дышать по-другому, - тревога постепенно отступала. Наконец, она могла отвечать без этой противной хрипотцы, застревающей в горле, — гликолиз. Анаэробный режим.

КПД в 18 раз ниже, но ему не нужны ни кислород, ни целостность мембран. Опухолевые клетки так выживают. Эмбрионы так выживают. Я так живу двадцать два года. Мой базальный уровень АТФ на 30 процентов ниже среднего. Митохондриальный мембранный потенциал — на 62 процента. При этом я не падаю в обмороки, не задыхаюсь и не умираю от случайной инфекции. Потому что мои клетки не требуют от митохондрий того, что они не могут дать.

— Вы просто выключили турбину и... зажгли свечку? И она не тухнет двадцать два года.

Сереброва нашла взглядом того, чей тихий голос разрезал тишину полнейшего пренебрежения. Молодой парень с одним наушником в ухе и беспорядком в образе - от взлохмаченных волос до помятой рубашки. В его глазах она уловила блеск интереса. Впервые за последние полчаса выступления.

— Да, и теперь мне нужно, чтобы эта свечка зажглась в другом теле.

В горле пересохло. Внимание почему-то метнулось к тени стоящему у стены по её левое плечо генералу. За всё время он не издал ни звука, — не было даже шороха одежды, словно он ни разу не шевельнулся, не переместил вес с ноги на ногу. Просто безмолвная статуя. Но, тем не менее, заметив её взгляд, словно прочитал в нём потребность и кивнул в сторону стола.

Она решила, что он намекает быстрее продолжать тираду, но глянула, куда он указал: на краю деревянной столешницы стояли бутылки с водой.

Сделав несколько жадных глотков, она вернулась к экрану и снова принялась чертить уже новую схему:

— Прямая трансплантация моих клеток взрослому человеку невозможна. Иммунитет реципиента уничтожит их быстрее, чем наступят вторые сутки. Поэтому мы не пересаживаем клетки — мы пересаживаем инструкцию. — Она нарисовала схему: вирус, проникающий в клетку, встраивающийся в ДНК. — Мой ген, «квантовый якорь», нужно доставить в клетки реципиента. Заставить их работать так, как работают мои. Анаэробный режим, устойчивость к распаду, - она повернулась к слушателям, — Вирусные векторы — это курьеры. Мы модифицируем вирус, вычищаем всё, что делает его опасным, и загружаем туда мой ген. Вводим в кровь. Он находит клетки-мишени, проникает внутрь, встраивает инструкцию. Клетка начинает производить белки, которые переключают её на новый режим работы.

— А если иммунитет проснётся? — спросил кто-то из угла.

— Тогда он уничтожит векторы. Или атакует изменённые клетки. Это риск. Мы не знаем порога, за которым «чужой» становится «врагом».

Гаммер подал голос — не злорадствующий, скорее смиренный:

— Смертность при таких экспериментах даже в стерильных условиях высока. У нас, как вы понимаете, таких нет.

— Знаю, — сказала Валерия. — Поэтому мне нужен кандидат, для которого риск — не приговор, а выбор. Человек, готовый умереть, если не получится. Или готовый измениться, если получится.

— И где вы собираетесь найти человека, которому нечего терять? - знакомая рука с карандашом взметнулась резче, чем в прошлый раз, — вам нужен доброволец как минимум с терминальной стадией болезни, — то есть готовый умереть. Но с таким будет ещё сложнее работать в рамках вашего плана.

— Или тот, кто с рождения не был «человеком» в том смысле, в каком вы это понимаете, - Гаммер ссутулился, - ему даже шло, — проект «Адамант». Закрытая разработка. Цель - создать биологический образец, свободный от всех генетических дефектов, от иммунной агрессии, эмоциональной нестабильности. Чистый, идеальный контейнер.

Девушка подавилась собственной слюной, — настолько это откровение было ошеломляющим. Пугающим. Тревожным. Болезненным лишь потому, что было предсказуемо. В условиях тоталитаризма без подобных этических преступлений буквально противоестественно.

— Вы создали человека из пробирки.

— Я создал биологический образец. Человеком его сделало бы время и опыт. А времени у нас нет.

— Где он? - ужас сменился трепетом исследователя. Её саму удивила собственная реакция. Она готова была прямо сейчас сорваться туда, где сидит это чудо науки. Но она держалась. Из последних сил.

— Ждёт. Восемнадцать лет.

— Я хочу его увидеть.

— Увидите, когда подпишете протокол. И когда поймете, что берете на себя ответственность за жизнь человека, у которого никогда не было выбора жить или умереть, - он встал из-за стола, громко ударив ладонью по лежащим на нем документам - толстая папка страниц на сто, — Ксен, готовьте протокол введения. Брандт, мне нужен полный генетический паспорт Серебровой, включая митохондриальный геном. Остальные...

Вслед за ним вскочил парень с наушником и перебил босса:

— Я уже запустил симуляцию. Её белок связывается с мембраной. Не знаю, как, но это происходит. И держится при любых обстоятельствах. Это не должно работать, но работает.

— Тогда, возможно, у нас есть шанс, - после долгой паузы произнес Гаммер и поплелся к выходу, — мне нужны ещё двое биохимиков и лаборанты. Всем остальным возвращаться к работе.

— Антон, останься, - спокойный голос генерала разнесся громом, видимо, вес авторитета.

Из уже расходящейся толпы, прежде незамеченный, выскользнул крепкий мужчина в кителе и, даже ничего не спросив, не усомнившись, уселся на освободившийся стул.

Зал почти опустел. Валерия осталась стоять у экрана. А восемь человек за столом смотрели на неё. Некоторые — с недоверием. Некоторые — с профессиональным интересом. Один - парень, увлеченный симуляцией в планшете, — не смотрел, но на его губах сияла широкая улыбка неподдельного восторга.

Громов в углу больше не проронил ни слова. Но он не ушел.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.